

Е.Л. ВАЛЕВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ТРУДНЫЙ ВЫБОР ЦАРЯ БОРИСА III:
К ПРОБЛЕМЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ БОЛГАРИИ
К ТРОЙСТВЕННОМУ ПАКТУ В 1941 г.**

Abstract:

Valeva E.L. *A hard choice for Tsar Boris III: on the issue of Bulgaria's accedence to the Tripartite Pact in 1941*

A number of circumstances made Bulgaria under the rule of Tsar Boris III run the gamut from neutrality to the alliance with Hitlerite Germany. The article describes difficult internal and external conditions under which the Bulgarian monarch had to work and to make this fatal choice.

Ключевые слова: история Болгарии, царь Борис III, Вторая мировая война, Тройственный пакт, болгаро-германские отношения.

В августе 2013 г. в Болгарии шумно и помпезно отмечалось 70-летие со дня смерти царя Бориса III (1894–1943), в котором приняли участие президент страны Р. Плевнелиев, патриарх Неофит, отслуживший панихиду в Рильском монастыре, сын царя Симеон Саксен-Кобург-Готский (в 2001–2005 гг. – премьер-министр страны)¹, почетный военный караул. Мнения по этому поводу в болгарском обществе, как всегда, разделились: одни считали, что Борис, первый и единственный болгарский монарх, рожденный и умерший в Болгарии, пользовавшийся большой популярностью у населения, заслуживает высоких почестей, другие же полагали, что чествование царской особы в республике противоречит здравому смыслу.

В связи с данным событием в стране вновь оживились дискуссии вокруг этой неоднозначной, но, несомненно, исключительно значимой для новейшей истории Болгарии фигуры. Где следует ставить акцент: «царь-объединитель», спасший страну от ужасов войны, или союзник Гитлера, каковы сильные и слабые стороны его правления? На протяжении почти полувека историческая оценка царя Бориса III была однозначно отрицательной. Для его авторитарного режима, утвердившегося после переворота 1935 г., марксистская историография даже изобрела новый странный термин – монархо-фашизм (при том, что фашизм – это массовое движение, опирающееся на низы, которого не было, кстати, в Болгарии, а монархизм коренится в наследственной власти аристократии).

Не останавливаясь на противоречивом отношении к царю Борису болгарского общества, отметим, что в настоящее время большинство профессиональных историков достигло определенного консенсуса относительно его личности и политики, несмотря на имеющиеся нюансы по некоторым вопросам его единоличного правления². Сегодня уже прошло время крайних, диаметрально противоположных оценок, имевших место не только сразу после его смерти, в середине 1940-х годов, но и после общественно-социальных перемен 1989 г. Однако нельзя не согласиться с мнением болгарского профессора И. Баевой, что абсолютно объективная оценка царя Бориса, как и любой другой яркой политической фигуры бурной истории XX в., пока вряд ли возможна, поскольку на нее по-прежнему оказывают влияние неугасающие страсти дня сегодняшнего (в том числе связанные с возвращением в Болгарию его сына Симеона Саксен-Кобург-Готского – но уже не как монарха, а как премьер-министра)³.

Тем не менее, в настоящее время в болгарских исторических исследованиях, свободных от идеологии и общественных настроений, преобладают положительные оценки деятельности царя Бориса III – главным образом, благодаря его умению лавировать между различными внешнеполитическими опасностями, перед которыми оказалась Болгария накануне и во время Второй мировой войны⁴. Управляя в невероятно трудных условиях, царь Борис приложил огромные усилия, чтобы удержать Болгарию от кровопролитных военных действий на фронтах Второй мировой войны. В то же время он откликнулся на общественные настроения, требовавшие возвращения территорий, отторгнутых от Болгарии по условиям Нейиского договора 1919 г. Иное дело, что с начала 1941 г. международные события развивались таким образом, что от маленькой Болгарии зависело все меньше и меньше: роль внешнего фактора была чрезвычайно велика. И, конечно, нельзя забывать, что крайний результат деятельности монарха отрицателен: Болгария оказалась союзницей побежденной в войне коалиции.

Задачей данной статьи является высветить роль царя Бориса в один из самых тяжелых моментов истории Болгарии XX века, раскрыть внутренние и внешние условия, в которых он действовал и делал судьбоносный для страны выбор, показать всю безвыходность ситуации, в которой он оказался.

Борис III вступил на престол в возрасте 24 лет после поражения Болгарии в Первой мировой войне, где она выступила на стороне Германии, и отречения отца, царя Фердинанда, а умер вне-

запно в разгар Второй мировой войны*, когда на Болгарию оказывали мощное давление обе воюющие стороны. Молодой монарх встал у государственного кормила в смутное и бурное время, и таковым оказалось все его царствование. Солдатское восстание 1918 г., последовавшая национальная катастрофа и жестокий для Болгарии Нейиский договор были только началом испытаний. В первые пятнадцать лет своего царствования он столкнулся с массовыми народными выступлениями, военными заговорами, противоборством бесчисленных политических партий.

Поведение царя Бориса III во многом предопределялось судьбой его отца: сын действовал очень внимательно и осторожно, терпеливо выжидая и сохраняя запасные варианты для выхода из неудобных ситуаций, предпочитая, чтобы непопулярные действия совершались другими. В отличие от высокомерного царя Фердинанда, Борис вел демонстративно скромный образ жизни, часто ходил без охраны, считался примерным семьянином, любил общаться с простым народом, неплохо знал его жизнь и обычаи, поскольку родился и вырос в Болгарии. Он был образованным человеком с разносторонними интересами. Определяя модель управления царя Бориса как скрытый авторитаризм, И. Баева метко назвала его виртуозом в умении воспользоваться возможностями, созданными действиями других. Так, он сумел связать свое имя с достижениями (национальными и экономическими) и в то же время отмежеваться от негативов – репрессивного законодательства, диктаторских методов. Царь всегда стремился к достижению своих целей сложным путем, нередко прибегая к политическим интригам. В итоге со временем, к середине 1930-х годов, ему удалось сосредоточить непосредственное управление страной в своих руках. Выработавшееся у него с годами умение балансировать между партиями и политиками в сотрясаемой переворотами и восстаниями стране помогло ему научиться лавировать также и во внешней политике.

Играя ключевую роль при выработке внешнеполитического курса, царь Борис осознавал противоречивость ситуации, сложив-

* Официальное медицинское заключение – инфаркт, но внезапная смерть монарха потрясла болгарское общество и оставляет вопросы по сей день. Среди множества гипотез причин смерти наиболее широко распространенной была версия об отравлении царя немцами. Современная болгарская историография объединилась вокруг позиции, что царь умер естественной смертью в результате огромного психического перенапряжения в судьбоносный для страны период.

шейся накануне Второй мировой войны. С одной стороны, он искренне намеревался сделать все возможное, чтобы Болгария осталась от нее в стороне, поскольку хорошо помнил военную катастрофу 1918 г., когда его страна выступала в союзе с Германией*. С другой стороны, Борис III понимал, что именно новая мировая война может разрушить пагубную для Болгарии Версальскую систему, ликвидировать сложившийся столь неблагоприятный для его страны статус-кво**.

Накануне Второй мировой войны Болгария провозгласила нейтралитет и стремление к мирной ревизии Нейнского договора. Несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны великих держав, осторожный царь Борис и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке. В секретной директиве № 19, которую премьер-министр Георгий Кьосеванов направил 19 апреля 1939 г. всем болгарским дипломатическим представительствам за границей, говорилось, что «Болгария проводит и будет проводить до тех пор, пока это окажется возможным, самостоятельную политику, не связывая себя никакими обязательствами» и что «в конечном счете Болгария придерживается выжидательной политики». Но уже тогда начала обозначаться линия болгарских правящих кругов на сближение с Германией: «Наши экономические связи с Германией, которая поглощает более 75 % нашего экспорта, делают для нас невозможным, независимо от политических соображений, присоединение к демократическим государствам против тоталитарных государств»⁵.

С началом войны стало ясно, что страна, расположенная в районе, где скрестились интересы могущественных сил, не сможет долго оставаться в стороне от мирового конфликта. В то время, как борьба дипломатии обоих блоков за Болгарию принимала все более интенсивный характер, царь Борис не спешил с принятием «зафиксированных политических обязательств», пытаясь как можно дольше сохранять известную политическую самостоятель-

* Царь Борис окончил Софийскую военную академию, в годы Первой мировой войны был офицером специальной миссии Генерального штаба болгарской армии и регулярно оказывался на линии фронта, лично знал многих офицеров.

** В результате Нейнского договора 1919 г. Болгария потеряла часть территории, в том числе выход к Эгейскому морю (свыше 11 тыс. км² или 1/10 территории страны и 1/7 населения), которая передавалась Греции, Румынии и Королевству СХС.

ность и свободу рук во внешней политике, уверяя недовольных этим дипломатов великих держав, сколь выгоден для их стран болгарский нейтралитет. Царю приписывают следующие слова: «Мои офицеры симпатизируют Германии. Народ любит Россию. Я – правнук Луи Филиппа. Царица – дочь итальянского короля. А парламент... парламент, разумеется, болгарский. Выводы делайте сами».

В обстановке международной нестабильности и неопределенности, а также острой политической борьбы внутри страны Борис III решает окончательно монополизировать решение вопросов как внутренней, так и внешней политики. С этой целью в феврале 1940 г. он распускает ненадежный с его точки зрения парламент – рассадник различных политических настроений, а также отстраняет от власти Г. Кьосеиванова, который стал вызывать недоверие царя своими амбициями проводить самостоятельную политику. Премьер-министром царь назначил профессора археологии Богдана Филова, известного своими прогерманскими взглядами. При Филлове решение всех, даже мельчайших вопросов управления целиком перешло в руки царя⁶.

Первым видимым успехом внешней политики Болгарии под руководством царя Бориса было решение добруджанской проблемы. Болгарская дипломатия еще с апреля 1940 г. начала подготовительную кампанию за возвращение Южной Добруджи. Кампания была встречена великими державами благосклонно. Неожиданно не только СССР, но и Германия, Англия, Италия и даже США проявили заинтересованность в приписывании себе заслуги возможного мирного разрешения болгаро-румынского спора.

Однако болгарское правительство решает искать поддержку своих требований главным образом у Германии. Еще в июне 1940 г. царь Борис предупредил германского посланника Г. Рихтхофена, что после занятия Бессарабии Советским Союзом в Болгарии непременно начнутся массовые выступления за возвращение Добруджи. Напомнив ему об активности болгарских коммунистов, царь заметил, что, если Болгария не получит хотя бы обещание со стороны Германии, может возникнуть опасность «насильственного переворота, который в будущем приведет к установлению тесных связей с Москвой»⁷. Тогда уже новый режим в Болгарии получит Южную Добруджу от СССР. Царь же предпочитает получить ее из рук Германии.

15 июля 1940 г. Гитлер в письме к румынскому королю посоветовал ему «договориться одновременно как с Болгарией, так и с Венгрией на разумной основе»⁸, а 26 июля Гитлер и Риббентроп

пригласили в Зальцбург румынских премьер-министра и министра иностранных дел. В условиях военной мощи Германии летом 1940 г. и безнадёжного положения Румынии, часть которой была занята СССР, предложение Гитлера румынскому правительству урегулировать добруджанский вопрос было равносильно приказу. Возвращение Южной Добруджи в пределы Болгарии согласно Крайовскому соглашению в сентябре 1940 г., несомненно, крупнейший внешнеполитический успех царя Бориса, заслуживающий высокой оценки, поскольку оно произошло мирным путем, в результате международной договоренности и оказалось единственным территориальным приобретением Болгарии, сохранившимся за ней по окончании Второй мировой войны.

Царская тактика лавирования оказалась подвергнутой серьезному испытанию уже осенью 1940 г., когда важнейшим оружием Германии в борьбе за внешнеполитическую ориентацию балканских стран стал заключенный 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт, подписать который предложили и Болгарии, причем в ультимативной форме⁹.

Тем не менее, даже в этой быстро меняющейся международной обстановке царь продолжает маневрировать. По-прежнему надеясь, что удовлетворение территориальных притязаний Болгарии может произойти без утери ею нейтралитета, Борис пишет 22 октября личное письмо Гитлеру. В нем царь высказывает мнение, что в настоящий момент присоединение Болгарии к пакту было бы преждевременным и опасным, поскольку существует угроза нападения со стороны Турции и Греции, а Болгария совершенно не подготовлена в военном отношении. Борис III предлагал фюреру еще раз обсудить, «безусловно ли необходимо изменение проводившейся до сих пор недвусмысленной и хладнокровной политики Болгарии, которая по сей день держит под угрозой наших и Ваших врагов. Это имело бы последствием немедленное израсходование наших скромных сил, не говоря о том, что полная мобилизация привела бы к застою в хозяйственной жизни и производстве страны»¹⁰. Этим письмом царь начал свою ловкую тактику затягивания дела, которую ему удалось продолжить до марта 1941 г.

С царским письмом в Берлин направляется царский советник Б. Морфов. Однако Гитлер демонстративно отказывается его принять, и письмо вручается госсекретарю Э. Вайцекеру. Спустя несколько дней Вайцекер заявляет болгарскому посланнику в Берлине П. Драганову, что Риббентроп настаивает на присоединении Болгарии к пакту и дает болгарскому правительству на размышление еще несколько дней¹¹.

Тем временем в ходе начавшейся в конце октября 1940 г. итало-греческой войны развилось контрнаступление греческой армии. Германия вынуждена прийти на помощь своему союзнику. В директиве Главного штаба германских вооруженных сил предусматривается оккупация Северной Греции немецкими войсками и их прохождение в случае необходимости через территорию Болгарии. В связи с этими планами возобновляется натиск германской дипломатии на царя Бориса. После безрезультатной беседы Й. Риббентропа с послом П. Драгановым 14 ноября, германское министерство иностранных дел приглашает царя на встречу с Гитлером. Вместе с министром иностранных дел И. Поповым болгарский монарх тайно вылетает 17 ноября 1940 г. в резиденцию фюрера в Берхтесгадене.

Этот визит состоялся спустя несколько дней после другого, более известного в истории, – переговоров В.М. Молотова в Берлине 12–13 ноября 1940 г. Как известно, основное внимание на переговорах было обращено на Юго-Восточную Европу и, в частности, на Болгарию, тесно связанную с проблемой Черноморских проливов. В директивах Сталина Молотову перед поездкой один из пунктов гласил: «Болгария – главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию»¹². В ходе переговоров Молотов неоднократно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии и заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренний порядок страны¹³.

Можно себе представить, как напряженно следили за ходом берлинской встречи в Софии. 17 ноября 1940 г. царь Борис и Попов прибыли в резиденцию фюрера с твердым намерением не подписывать Тройственный пакт главным образом из-за страха перед СССР. На настойчивое требование Гитлера присоединиться к пакту болгарский монарх повторил уже известные аргументы: неподготовленность Болгарии к войне, экономические выгоды, которые Германия получит, если Болгария не будет втянута в военные действия, опасность со стороны Турции и, конечно, возможность ухудшения отношений с СССР¹⁴. Царь напрямик спросил Гитлера, зондировался ли вопрос о присоединении его страны к Тройственному пакту во время недавней встречи с Молотовым. Гитлер избежал прямого ответа, но сказал, что «большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в Болгарии», и подчеркнул, что Германия поддержит болгарскую сторону в вопросе

об отказе от создания советских баз лишь в том случае, если Болгария подпишет Тройственный пакт. «Шантаж был очевиден, – рассказывал впоследствии царь Н. Мушанову, видному болгарскому политику, лидеру демократической партии. – Надо было вырваться из клещей, в которые меня зажал Гитлер, приняв в принципе присоединение к пакту, но оставив открытым вопрос о дате присоединения»¹⁵.

Таким образом, и на этом этапе попытки Германии включить Болгарию в свою коалицию потерпели провал. Тем не менее, встреча царя Бориса с Гитлером вызвала крайнее раздражение в Москве. 18 ноября болгарский посланник имел беседу с Молотовым, который в разговоре прибегал попеременно к угрозам и обещаниям. «Если Болгария нуждается сейчас в какой-либо гарантии, то какую гарантию ей дал бы сейчас СССР. При этом нынешний внутренний режим и государственный строй Болгарии, – подчеркнул Молотов, – должен остаться таким, как он есть и как этого хочет сама Болгария»¹⁶.

Без колебаний царь Борис и премьер-министр Филев отвергают новое советское предложение. Спустя несколько дней, 24 ноября 1940 г., в Москву был направлен ответ, в котором говорилось, что Болгария не чувствует себя в опасности и не нуждается в гарантиях¹⁷.

Однако советская дипломатия не сдавалась. 25 ноября 1940 г. в Софию прилетает генеральный секретарь Наркоминдела А.А. Соболев с предложением заключить пакт о взаимной помощи. Болгарский политический деятель Ст. Мошанов так записал высказывание об этом царя Бориса: «Не прошло и недели [после возвращения царя из Берхтесгадена. – *Е.Л.*], как наступил один из самых неприятных дней в моей жизни – миссия Соболева. То, что я считал шантажом со стороны Гитлера, – требование Советским Союзом баз в Болгарии – Соболев предложил нам под видом пакта о взаимной помощи. Если Гитлер недвусмысленно угрожал мне своими войсками, Сталин оказывает нажим через мой собственный народ»¹⁸. Царь Борис имел в виду начавшуюся по всей стране массовую кампанию за принятие советского предложения, вошедшую в историю Болгарии под названием «Соболевской акции».

В основных пунктах советское предложение повторяло предыдущее, сделанное осенью 1939 г. Исходя из общих интересов Болгарии и СССР, говорилось в нем, Советский Союз возобновляет свое предложение о заключении пакта о взаимной помощи, «который поможет Болгарии в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии». В

соответствии с пактом СССР обязывался оказать Болгарии всяческую, в том числе и военную, помощь в случае угрозы ей со стороны третьей державы или группы стран. Болгария же должна была оказать помощь СССР в случае возникновения реальной угрозы интересам Советского Союза в Черном море или в районе проливов. Особо оговаривалось, что пакт никоим образом не затрагивает внутренний режим, суверенитет и независимость Болгарии. Кроме того, СССР выражал готовность помочь Болгарии деньгами, продовольствием, вооружением и другими материалами – в форме займов, а также обещал расширить закупки болгарских товаров¹⁹.

Однако царь Борис и Филев как раз опасались, что подписание подобного договора приведет к вмешательству СССР не только во внешнюю, но и во внутреннюю политику Болгарии, тем более что болгарские коммунисты в этот период резко активизировали свою деятельность, используя широко распространенные в Болгарии русофильские чувства. Царь Борис в разговоре с Н. Мушановым раздраженно сказал: «Я считаю с этими чувствами, но не оставляю ворота овчарни открытыми для того, чтобы вошел волк. Даже в принципе не могу говорить о помощи со стороны большевиков. Тот факт, что прежде, чем прислать к нам Соболева, они проводили зондаж у немцев, показывает, что путь к болгарским базам идет через Берлин. Миссия Соболева имеет лишь тот результат, что поколебала меня в моем решении еще потянуть время в вопросах с немцами»²⁰.

Ответ болгарского правительства на соболевское предложение был однозначно отрицательным. «Вчера были вчетвером (премьер-министр, министр иностранных дел, внутренних дел и военный министр. – Е.В.) у царя для обсуждения предложения Соболева и решили его в принципе отвергнуть», – записал Филев в своем дневнике²¹. В очень осторожной, но достаточно категоричной форме болгарское правительство, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, отклонило советское предложение. Письменный ответ министр иностранных дел И. Попов передал 30 ноября советскому посланнику А.А. Лаврищеву²².

Миссия Соболева вызвала, естественно, огромное раздражение в Берлине, где полным ходом шла подготовка к нападению на СССР. С декабря 1940 г. Гитлер уже демонстративно игнорировал своего бывшего союзника – СССР, а затем и вовсе стал действовать наперекор ему, и в первую очередь на Балканах. «Миссия Соболева» и подписание плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г. завершили первый этап советско-германского противоборства на Бал-

канах, когда он носил дипломатический характер. С начала 1941 г. СССР и Германия вступили в открытую политическую борьбу за Балканы и Болгарию, в частности.

Натиск на царя Бориса со стороны Германии и СССР (Англия и США тоже не бездействуют, но их позиция имеет уже второстепенное значение), а также со стороны внутренней левой (коммунисты) и правой (националистические прогерманские организации «Национальные легионы», «Ратник», Союз офицеров запаса) оппозиции был огромен. Международные события и внутренняя ситуация завлекли монарха в капкан, и, чтобы выбраться из него, Борис III должен был сделать судьбоносный выбор.

В доверительном разговоре с Н. Мушановым 19 декабря 1940 г. царь Борис признал, что в принципе принял решение дать согласие на прохождение германских войск через территорию Болгарии, если Германия вновь поставит вопрос об этом. «Я не могу пренебречь германскими гарантиями перед большевистским натиском, – сказал монарх. – А времени терять нельзя. Если была бы хоть малейшая возможность другого выхода, я бы ее не упустил». Царь не мог принять и совета английского посланника Ренделла – дать хотя бы один артиллерийский залп против переправляющихся через Дунай германских войск, чтобы продемонстрировать свое несогласие: «Легко ему говорить, когда между бельгийским берегом и Англией есть Ла Манш! Иначе мой “коллега” и друг Георг VI плавал бы по морям на каком-нибудь дредноуте как “летучий голландец”. Дилемма одна: Германия или Россия. Это две силы, которые будут решать судьбу Европы. Чувства Вам говорят – Россия, но если Вы послушаете голос разума, то ответите – Германия!»²³. Это означало, что внутренне царь уже был готов к принятию решения, ставшего для страны роковым.

В первый день нового, 1941 года болгарский премьер Б. Филов отправился в Вену для продолжения переговоров с Гитлером и Риббентропом по вопросу о вступлении Болгарии в Тройственный пакт. «С их точки зрения мы должны войти как можно быстрее, с нашей – следует дожидаться удобного для нас момента», – записал Филов в дневнике²⁴. Болгарский премьер следовал указаниям царя, настаивавшего, чтобы подписание пакта состоялось одновременно с вступлением германских войск на болгарскую территорию – с тем, чтобы предотвратить негативную реакцию, как внешнюю, так и внутреннюю. Можно согласиться с мнением болгарского историка академика И. Димитрова, который писал: «...преждевременный союз с Германией, когда еще неясен исход войны – это, по мнению царя Бориса, не отвечало интересам ре-

жима, династии. Избежать этого союза – это было ему не под силу. Вопрос стоял так: во-первых, как этот неизбежный, навязанный обстоятельствами, не отвечающий интересам Болгарии союз связать с ее интересами, оправдать этими интересами, и во-вторых – как его оправдать в глазах общественного мнения»²⁵. С точки зрения царя Бориса, присоединение к Тройственному пакту можно было оправдать только одной исторической задачей: национальным объединением (имелось в виду прежде всего присоединение Западной Фракии, т.е. греческой части Македонии).

По возвращении в Софию Филову оставалось окончательно убедить царя в неизбежности подписания пакта. После артистически разыгранной сцены (царь ломал руки и говорил, что «предпочитает отказаться от престола или броситься в объятия России») Борис выслушал доводы Филова и «признал их правоту»²⁶.

Болгаро-германские переговоры и быстро меняющаяся военная обстановка на Балканах в конце 1940 – начале 1941 гг. вызвали бурную дипломатическую активность Англии и США на Балканском полуострове. Они в последний раз попытались удержать царя Бориса от вступления в Тройственный пакт. В середине января Форин Офис официально предупредил болгарского посланника в Лондоне Момчилова, что Англия будет считать присутствие германских войск в Болгарии за болгарское соучастие в германских операциях против нее²⁷. Неожиданную активность проявила на этот раз и американская дипломатия. В январе 1941 г. президент Рузвельт направил в Софию своего эмиссара полковника У. Доновена, который встретился с Поповым, Филовым и царем Борисом. Заверяя царя в неизбежности благополучного для Англии исхода войны, Доновен просил его не пропускать германские войска через свою территорию для нападения на Грецию.

Однако ни серьезные предупреждения советской дипломатии, ни английские угрозы, ни «ухаживания» американской дипломатии не могли остановить заработавший механизм присоединения Болгарии к державам оси. Не следует забывать и чисто военный фактор: решение о присоединении было принято в тот момент, когда в соседнюю Румынию уже вступил мощный контингент гитлеровских войск, готовившихся к балканской операции.

20 января 1941 г. после 8-часового обсуждения решение о вступлении Болгарии в Тройственный пакт было одобрено Советом министров Болгарии. Однако лишь после подписания 17 февраля болгаро-турецкой декларации о ненападении, после получения из Берлина подробных инструкций о том, как и когда следует уведомить Москву, Стамбул и Белград о предстоящем присоеди-

нении, после урегулирования с Германией всех военных и хозяйственных вопросов Болгария подписала 1 марта 1941 г. Тройственный пакт. В тот же день авангардные части армии фельдмаршала В. Листа переправились через Дунай, а на следующий день вся его 680-тысячная армия вступила на территорию Болгарии. Позволив вермахту использовать свою территорию в качестве плацдарма для агрессии против соседних Греции и Югославии, Болгария превратилась в надежный тыл нацистской Германии, в ее южный стратегический плацдарм.

Предположение о том, что Болгария могла, отказавшись от своих ревизионистских устремлений и вступив в союз с соседними балканскими государствами, помешать гитлеровской агрессии на Балканах весной 1941 г., является, на наш взгляд, умозрительным построением. Фактом же остается то, что царю Борису удалось в сложнейших условиях союза с Германией свести выполнение Болгарией обязательств по отношению к своему могущественному партнеру к минимуму. В годы войны Болгария была поставлена в иные условия, чем другие страны региона. Значительно (хотя, как оказалось впоследствии, временно) увеличив свою территорию, не участвуя в военных действиях, сохраняя известную самостоятельность во внутренней и даже во внешней политике, Болгария оставалась весьма «своенравным» союзником «Третьего рейха».

С другой стороны, учет царем Борисом традиционно русофильских чувств болгарского народа имел своим результатом то, что Болгария – единственный из германских сателлитов – сохраняла дипломатические отношения с СССР на протяжении почти всей войны и, несмотря на нажим Гитлера, не направила на Восточный фронт ни одного солдата.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По завещанию царя Бориса он был погребен в часто посещавшемся им при жизни Рильском монастыре. В связи с усилившимся паломничеством к месту погребения царя власти Отечественного фронта спустя три года заставили царицу перезахоронить гроб в маленькой часовне в малодоступном для посетителей парке дворца «Врана» близ Софии. После отъезда царской семьи из Болгарии в сентябре 1946 г. дворец стал правительственной резиденцией. Для новой коммунистической власти царь Борис III являлся не столько прямым политическим противником, поскольку уже умер, сколько важным элементом идеологизации истории после 1944 г. По ее указанию часовню взорвали и сравняли с землей, тленные останки исчезли. Однако в углу могилы чудом сохранился сосуд из армированно-

го стекла, в который поместили сердце царя после проведенной в 1943 г. аутопсии (о нем исполнители варварского акта или не знали, или его не нашли). В 1991 г. во время раскопок сосуд был обнаружен, сердце снова исследовали патологоанатомы, подтвердившие официальный диагноз смерти царя – обширный инфаркт. В 1993 г. сосуд с сердцем вновь захоронили в восстановленной могиле царя в церкви Рильского монастыря. Поэтому о царе Борисе говорят: дважды крещенный (по католическому и по православному обряду, его крестным отцом стал русский царь Николай II) и трижды погребенный.

² См.: http://news.bnt.bg/bg/a/107352-za_lichnostta_i_politikata_na_car_boris.

³ <http://www.vsekiden.com/139715>.

⁴ Ibidem.

⁵ Текст директивы № 19 опубликован в ряде исследований. См., напр.: *Валев Л.Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 20–21; *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война // *Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет*. Т. LXI. Кн. III. София, 1968. С. 171.

⁶ *Димитров И.* Иван Багрянов. Царедворец, политик, държавник. София, 1995. С. 31.

⁷ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP). Serie D. Bd. X. Frankfurt/Main, 1963. S. 46.

⁸ Ibid. S. 183.

⁹ Централен държавен исторически архив (далее – ЦДИА). Ф. 176. Оп. 8. А.е. 17. Л. 31.

¹⁰ България – своснравният съюзник на Третия райх. Документална колекция. Ред. В. Тошкова и др. София, 1992. С. 11; ADAP. Serie D. Bd. XI/I. Bonn, 1964. S. 310–311.

¹¹ См. *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България... С. 374.

¹² Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // *Новая и новейшая история*. 1995. № 4. С. 78; см. также: *Волков В.К.* Советско-германские отношения во второй половине 1940 г. // *Вопросы истории*. 1997. № 2. С. 9.

¹³ ADAP. Serie D. Bd. XI/I. S. 470–471; *Безыменский Л., Горлов С.* Накануне (Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // *Международная жизнь*. 1991. № 8. С. 111–112.

¹⁴ Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА БАН). Сб. IV. Спомени на Ст. Мошанов. Т. IX. Съпротива и капитулация. Л. 18–19; *Филов Б.* Дневник. София, 1990. С. 211.

¹⁵ НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 19.

¹⁶ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М., 1998. Док. 532. С. 110; ADAP. Serie D. Bd. XI/2. Bonn, 1964. S. 542.

¹⁷ ADAP. Serie D, Bd. XI/2. S. 578; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 549. С. 138.

¹⁸ НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

¹⁹ Архив на Министерство на вътрешните работи (АМВР). II Народен съд. А.е. 14. Л. 42; ADAP, Serie D. Bd. XI/2. S. 646.

²⁰ НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

²¹ *Филов Б.* Дневник. С. 211–212.

²² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 564. С. 159.

²³ НА БАН. Сб. IV. Д. III. Л. 21–22.

²⁴ *Филов Б.* Дневник. С. 215.

²⁵ *Димитров И.* Професор Богдан Филов и неговият дневник // *Филов Б.* Дневник. С. 101.

²⁶ *Филов Б.* Дневник. С. 222–223; ЦДИА. Ф. 95. Оп. 1. А.е. 2. Л. 130 (дневник царского советника Л. Лулчева).

²⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. Пап. 10. Д. 117. Л. 36; см. также: *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България... С. 409.